

УДК 930(73):94(470.2)(045)

*Д.Л. Выслоужилова***СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР РУСИ: ОТРАЖЕНИЕ ТЕОРИИ ГРАНИЦЫ
В АМЕРИКАНСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ XX в.**

Об универсальности теории границы, которая была выдвинута в качестве объяснения процесса создания исконно американского менталитета, начал впервые думать сам ее создатель Ф. Дж. Тернер в начале XX в. Несмотря на его многочисленные призывы использовать тезис о подвижных границах в контекстах других стран, теория границы долгое время оставалась чисто американским феноменом. В рамках данной статьи мы бы хотели изучить, каким образом развивалось в американской медиевистике XX в. предложение Тернера применить его методику по отношению к истории России, т. к. именно эта страна, по мнению ученого, являлась самой перспективной для компаративного анализа. Отражение теории границы рассматривается на примере северо-восточного фронта на русском севере, который, по мнению историков, является самым древним и исконным русским фронтиром. Исходя из четырех основных черт фронта (географического расположения, хронологических рамок, основных функций и связей с определенными государствами), хотим выяснить, каким образом на протяжении XX в. трактовалось понятие северо-восточный фронт в научных трудах американских историков. В соответствии со стратегиями, используемыми историками при исследовании северо-восточного фронта, вводим в рамках данной статьи основную классификацию подходов к вопросу русских средневековых фронтиров.

Ключевые слова: теория границы, Ф. Дж. Тернер, фронт, фронтиры Руси, средние века, Новгород.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-642-650

В конце XIX в. американский ученый Ф. Дж. Тернер впервые сформулировал инновационную трактовку американской истории, которая стала известной как теория границы. Тезис Тернера основан на «пионерском духе авантюристов» [15, р. 21], вышедших из европеизированных колоний на побережье Атлантического океана, которые на протяжении XVII–XIX вв. передвигались к Дикому Западу, сталкиваясь с индейским населением. Оказавшись вне городской цивилизации, колонистам приходилось полагаться только на собственные силы, что привело к развитию свободолюбия и формированию исконно американского менталитета. Область на периферии, в которой пересеклись европейская и коренная американская цивилизации, получила название *фронт*, т. е. подвижная многослойная граница, которая своей динамичностью кардинально отличается от статического линейного рубежа между государствами [3, р. 206]. Тернеровский фронт – понятие нечеткое, которое сам автор назвал «эластичным, не нуждающимся в строгой дефиниции» [15, р. 3]. Из-за отсутствия конкретного определения данный концепт регулярно подвергался критике, однако именно благодаря своей гибкости и versatility фронт стал мировым феноменом, «достойным, несмотря на все недостатки, внимания историков» [8, р. 25]. Несмотря на факт, что автор продемонстрировал свою гипотезу о подвижных границах государств на примере США, он в то же время понимал, что колониализм американского общества не представляет собой уникального явления, и существуют другие страны, имевшие дело с аналогичной проблемой. Осознав значительный потенциал теории границы для мировой историографии, Тернер в 1904 г. сделал следующее замечание: «Если сравнить наш способ завоевания фронта и с другими странами, такими как Россия, Германия, английские колонии в Канаде, Австралии и Африке, мы, несомненно, можем прийти к особо плодотворным результатам» [16, р. 19]. Среди стран, обладающих, согласно Тернеру, самой подходящей базой к сравнению, на первом месте оказалась Россия.

С момента, когда Тернер обратился к ученым с предложением исследовать фронтиры вне территории США, прошло больше века. Вопреки упомянутому призыву и также универсальности аспекта «борьбы развитой культуры против дикой природы и варварских племен» [17, р. 48], теория границы долгое время оставалась методологическим подходом, применяемым прежде всего в контексте истории США. В рамках данной статьи мы бы хотели рассмотреть, каким образом развивалось предложение Тернера использовать теорию границы как методологический подход к истории России в американской историографии XX в. Большинство зарубежных трудов соотносило события в США со стремлением подвинуть границы России к Тихому океану в период Нового времени, однако феномен фронта зародился в русской среде гораздо раньше. Именно в процессах, начавшихся еще в средне-

вековую эпоху, надо искать корни общерусского движения в Сибирь и основы колонизационной политики Русской империи. Целью нашей статьи является выявление отражения одного из средневековых фронтиров Руси, а именно северо-восточного, в трудах американских медиевистов XX в. Важность изучения северных областей обусловлена, прежде всего, фактом, что данная территория является, по мнению историков, самым древним фронтиром Древней Руси. Изучая подход отдельных историков к исследуемой теме, обращаем внимание на четыре важные черты северо-восточного фронта: географическое местоположение, временные рамки его существования, основные функции и государства, оказавшие влияние на формирование фронта. Сравнивая полученные данные, мы попытаемся выяснить, существует ли среди американских историков общепринятый узус насчет характеристик, свойственных северо-восточному фронтиру, или, напротив, в данной проблематике не наблюдается историографической устойчивости. Хронологическое исследование также позволяет установить, каким образом развивалась теория границы на примере данного фронта и разрешает выработать первичную классификацию важнейших подходов, применяемых при изучении данного фронта.

Приступая к истории Древней Руси с точки зрения тернеровского концепта, надо учесть множество специфик средневековой Восточной Европы. Древняя Русь обладала множеством пограничных фронтиров, однако, как первой верно подметила В. П. Чеборатова-Билл в 1950 г., и она сама как единое государство «по значимую часть средних веков находилась на периферии мира» [14, р. 45]. С позиции Константинополя, Древняя Русь располагалась на северной окраине византийской цивилизации, для скандинавов Русь представляла не что иное, как южную границу их сферы влияния. Расположение на окраине европейского мира Русь сохранила и после XIII в., когда превратилась в самую западную часть монгольских владений. К уникальному местоположению Руси вернулась в 2021 г. также Д. Ордубади, которая на примере Москвы подчеркнула особый характер употребления терминов «центр» и «периферия» в русской среде: что являлось для Византии или западной Европы периферией известного им мира, представляло собой процветающий центр Московского княжества, имевшего уже свои собственные периферии [12, S. 123]. Таким образом, Россия в период средних веков представляла собой государство на окраине тогдашнего мира, которое состояло из множества отдельных фронтиров локального значения.

Под влиянием географического детерминизма сложилась концепция, что Древняя Русь не знала понятия границы, ее развитие не было ограничено горными хребтами, океанами или пустынями, за исключением «полярных морей на севере», представляющих единственную природную границу [1, с. 16]. Именно на русском севере находим первый и самый древний русский фронт. Начало изучения северного-восточного фронта связано с деятельностью историка Р. Кернера из калифорнийского Университета Беркли, издавшего в 1942 г. монографию «Стремление к морю» [4]. Исходя из концепции С. М. Соловьева о ключевой роли системы рек, волоков и озер для русской истории, Кернер назвал природные силы и особенности ландшафта той самой движущей силой, которая заставила Русь «продвигаться к морю и привела к экспансии в три континента» [4, р. IX]. В основе трудов Кернера, таким образом, стоит география, подразумевавшая собой как климатические условия России, так и особенности ее ландшафта. Создание северо-восточного фронта обусловлено специфичностью рельефа, который проявляется, по мнению Кернера, также в политическом субъекте, открывшем в конце IX в. экспансию в северо-восточном направлении – Великим Новгородом. Связь между началом движения на северо-восток и этим государством, согласно Кернеру, не является совпадением – это результат особого географического расположения Новгорода. Движение к арктическим морям мог начать только Новгород благодаря его местоположению на перекрестке речных путей, по которым новгородские мореплаватели могли быстро и удобно передвигаться [4, р. 14–15]. Ученый выделяет две причины, заставившие новгородцев отправляться все дальше и дальше от столицы: в меньшей степени здесь сказывается влияние викингов, известных своими экспедициями в неизвестные страны и их свободолюбивый менталитет, однако в основе находим прежде всего экономические факторы: спрос европейских городов на драгоценные меха [4, р. 14, 26], «самый важный элемент торговли с древних времен вплоть по XVIII в.» [4, р. 8]. Кернер отмечает, что новгородцы обладали территорией от Заволочья до Урала до конца XIV в., после чего туда начало продвижение войско московского князя. Конец фронта Кернер связывает с концом XV в., когда Московское княжество завоевало все новгородские водные пути и в скором времени завладело целой областью [4, р. 4].

Почти в то же время, когда была опубликована монография Кернера, был издан труд Р. Г. Фишера «Русская пушная торговля 1550–1700» [2]. Историк подошел к вопросу колонизации и создания

фронтيرا иным способом – в центре его внимания находятся экономические отношения и тема пушной торговли, вне зависимости от природных условий и особенностей ландшафта, находящихся в основе географической линии в лице Кернера. В отличие от данного ученого, который соотносит появление первого русского фронта с XI в., Фишер обозначает начало процесса лишь с конца XIII в. [2, р. 3], т. е. после заключения договора Новгорода с немецкими купцами и входа русского города в состав Ганзейского союза. Новгород начал продвигаться на северо-восток из-за опустошения ближайших лесов и исчерпания источников природных богатств [2, р. 4–5]. Его активность обусловлена политическими факторами: по мнению Фишера, лишь Новгород остался не опустошенным после набега монголов, что позволило ему создать монополию на торговлю пушниной [2, р. 3]. Торговля Новгорода с Ганзой открыла доступ на крупные европейские рынки, что мотивировало местную власть постоянно расширять владения. Фишер первым отметил еще одну функцию новгородского фронта: в открытые области под руководством бояр начали мигрировать новгородские жители в поиске свободной земли [2, р. 5]. Ученый отметил, что новгородцы дошли до Уральского хребта, но эта область вместе с Печорой никогда полностью так и не была подконтрольна Господину Великому Новгороду из-за слишком большого расстояния от столицы республики. Власть Новгорода здесь подтверждалась лишь собором дани [2, р. 6]. Ситуация изменилась только в XV в. в связи с возвышением Москвы, которая смогла установить полный контроль и превратить периферию в важную часть своего государства [2, р. 10]. Начиная с трудов Фишера, теория границы начала развиваться в экономическом направлении, которое в будущем стало основным подходом к русским фронтам. Несмотря на преобладающую роль торговых отношений, Р. Г. Фишер открыл в русском фронтире и его самую тернеровскую характеристику – фронтир здесь выступает как ментальный конструкт свободной земли без ограничений и контроля. Люди, которые туда переселились в поиске личной независимости, обладали тем самым «пионерским духом», известным из сочинений Тернера.

Итоги географического подхода Кернера и экономических факторов Фишера легли в основу прижизненных трудов 40-х гг. Дж. Ланцева из историографической школы Университета Беркли [5, 6] и в их редакторскую версию Р. А. Пирса 1973 г. [7]. Колонизация на северо-восток, которая в период нового времени привела к созданию «самой крупной в мире континентальной империи» [5, р. 1], представляла для Ланцева «один из самых выдающихся моментов русской истории» [6, р. 5]. Корни этого процесса автор ищет во время княжения Святослава Игоревича, когда началась консолидация русского государства [7, р. 21]. Начало экспансии, как и в трудах Р. Кернера и Р. Фишера, Ланцев сопоставляет с деятельностью Великого Новгорода. Опираясь на сведения поздней Никоновской летописи, автор принимает поход Улеба и его дружины на Железные ворота 1032 г. за достоверное историческое событие, которое доказывает, что в первой половине XI в. новгородцы уже регулярно доходили до бассейна Печоры, а может и еще восточнее [5, р. 2]. Основной причиной, заставляющей «волны купцов, авантюристов и колонистов» [6, р. 5] отправляться в походы в эти отдаленные края, являлась пушнина. Ланцев и Пирс отмечают, что «ни одна охота за любым видом природного ресурса не привела к завоеванию более обширной территории, чем общерусское движение за мехами в полумифические полуночные страны» [7, р. 17]. Создание северо-восточного фронта, по мнению обоих историков, вытекает из торговых отношений и потребностей экономики, как установил Р. Фишер. После установления системы торговых путей между Новгородом и его северо-восточным фронтиром, способным доставлять товар на городские рынки, наступила, согласно Ланцеву и Пирсу, вторая фаза колонизации, в которой опять прослеживается «пионерский» характер русского народа, а именно, – создание постоянных селений и миграция новгородского населения [7, р. 24]. В исследованных трудах Кернера и Фишера за северные области сражались только два конкурента: в XIV в. против Новгорода начало действовать Московское княжество, победившее в XV в. своего конкурента. Ланцев и Пирс развили данную теорию и первыми отметили роль Владимиро-Суздальской Руси в качестве противника для новгородских сборщиков дани [7, р. 26]. С XII в. князья Северо-Восточной Руси начали напрямую нападать на новгородские владения, однако их успешное наступление прервалось после убийства Андрея Боголюбского, которое вместе с монгольским нашествием на некоторое время обезопасило Новгород и избавило его от серьезных соперников, до момента вступления в борьбу Москвы за богатейшие источники пушнины в XIV в. [5, р. 6].

В 1950 г. была издана научная статья В. Чеботаревой-Билл [14], посвященная круговой экспансии Руси, которая привела к созданию множества фронтиров. Автор отмечает, что русские фронтиры похожи на американские двумя факторами. Первый из них можно назвать географическим: в обоих

случаях речь идет о колонизации редко заселенных или вообще пустых областей, которые надо было открыть, завоевать и заселить [14, р. 45]. Американский и русский фронтеры также обладают максимально неясной границей, которая представляет собой скорее мысленный конструкт, чем определенный кант на карте [14, р. 45]. Государства, начавшие экспансию, исходили из особенностей русского севера, не обладающего, кроме морского побережья, никакими препятствиями, мешающими колониационным волнам в продвижении. Как и ее предшественники, Чеботарева-Билл называет первым государством, начавшим в XII в. процесс передвижения на север, Новгородскую вечевую республику и его торговцев. С точки зрения географии, автор не уделяет большого внимания местоположению фронта, ограничиваясь общей фразой – «побережье Белого моря» [14, р. 45]. По мнению автора, северные окраины Руси позволяли купцам найти богатые источники сырья и развивать торговые отношения с Европой, но являлись и убежищем, где люди, желающие спрятаться от военных конфликтов и представителей власти, могли найти покойствие и свободу, напоминающую либеральные условия американского Дикого Запада [14, р. 46], о которых напомнил первым Р. Фишер и после него Дж. Ланцев и Р. Пирс. В. Чеботарева-Билл открыла еще одну ключевую функцию северо-восточного фронта: с XIV в. на север за торговцами последовали в рамках процесса монастырской колонизации и представители православной церкви [14, р. 46]. Малозаселенный север обладал идеальными условиями для монахов-отшельников, начавших стройку обителей, а позже и каменных монастырей. Кроме строительства, монахи занимались и миссионерством среди финно-угорских народов, что позволило Москве закрепить свои позиции и влияние в этой области.

Первый итог исследования истории России с точки зрения теории границы принес Д. У. Треголд [13]. В своей статье 1952 г. ученый вспомнил призыв Тернера и заметил, что в первой половине XX в. вышеупомянутая методология, в связи с событиями русской истории, практически не использовалась [13, р. 148]. Отсутствие ощутимого количества трудов по русским фронтам заставило автора статьи задуматься над легитимностью утверждения Тернера, что истории США и России имеют много общего. Треголд задал себе вопрос, имеются ли достаточные основания для изучения миграционных процессов в России с точки зрения теории границы. В поиске ответа Треголд обратился к «самому выдающемуся русскому историку» [13, р. 148] В. О. Ключевскому и его общим трудам по истории России. Американский ученый обратил внимание, во-первых, на концепцию Ключевского о России как «стране, которая колонизируется», выдвинутую в конце XIX в. и во-вторых, на отражение подхода Ключевского в трудах его ученика П. Н. Милюкова, отметившего в 1903 г., что «США, как и Россия имеют опыт колонизации и эксплуатации природных богатств» [13, р. 148]. Ссылаясь на заявления обоих ученых, Треголд сделал заключение, что теория границы представляет собой легитимный и обоснованный способ для изучения истории России, и снова подчеркнул апель Тернера.

Самым видным последователем тернеровской концепции среди историков 70-х гг. XX в. можно назвать Дж. Л. Вечинского, представителя университета Вирджинии. Теме русских средневековых фронтеров этот ученый посвятил две статьи [19, 20] и отдельную монографию [18]. В первой историографическо-методологической статье 1972 г. историк предупредил тенденцию многих исследователей древнерусского периода изучать Россию лишь как часть византийского или скандинавского миров. Такой подход ведет, согласно автору, к неправильному заключению, что самостоятельной и независимой Руси в Средние века не было, она представляла собой некоторую *tabula rasa*, пустое и незаселенное место, в которое извне привнесли культуру и построили государство на иностранных принципах [19, р. 111]. Русь, судит ученый, представляет собой выдающийся пример тернеровского фронта, предлагающего при определенном риске свободу и возможности самореализации [19, р. 112]. После Р. Фишера в 40-е гг., данная статья Вечинского является самым выразительным акцентом тернеровского «пионеризма», своеобразным торжеством неограниченной свободы и независимости. Как и Д. Треголд в 50-е гг., Вечински пришел к заключению, что, несмотря на сдержанность американских и русских историков, теория границы может помочь ответить на многие вопросы по формированию Древнерусского государства [19, р. 113–114]. Через два года после опубликования первой статьи, Вечински снова вернулся к проблематике русских фронтеров уже на конкретных примерах и с гораздо менее ярким подчеркиванием демократичности фронта. «В северных областях Новгород сталкивался с менее развитыми автохтонными народами за драгоценные меха», – отмечал автор в отношении северо-восточного фронта [20, р. 285]. Данная область для него обозначает место, где земледельцы сражались против суровых климатических условий, чтобы обеспечить себе урожай, такую же борьбу против природы вели и монахи, старавшиеся найти землю для строительства мона-

стырей [20, р. 285]. Третий конфликт, который велся в этой области, касался сражений новгородцев сначала с финно-уграми, а с XII в. – с владими́ро-суздальскими князьями [20, р. 287]. Деятельность Новгорода, создавшего северо-восточный фронт, затронута и в монографии Вечинского 1976 г. [18], где ученый впервые предложил гипотезу, что фронт, манящий к себе любителей свободы и других авантюристов, мог отразиться в политико-социальной структуре Новгорода. Жизнь в неблагоприятных условиях русского севера, где каждый сражался сам за себя, могла, по мнению Вечинского, привести к нежеланию новгородцев подчиняться княжеской династии и отразилась в создании вечевой системы: «Разве это был не фронт, который стимулировал новгородское либеральное предпринимательство и поспособствовал демократическому подходу к политической жизни?», – спрашивает автор [18, р. 25]. Начиная с географических данных исследованного нами фронта, Вечинский относил к нему Двинскую землю, побережье Белого моря, Печору, Урал и Югру [18, р. 27]. Этот автор также первым подчеркнул, что, несмотря на восприятие северо-восточного фронта как целостной территории, он далеко не однородный и создан из абсолютно разных областей. Многогранность русского севера Вечинский подметил на примере меры сопротивления финно-угорского населения новгородским сборщикам дани: большинство областей новгородцы из-за разной степени продвинутости общества завоевали довольно быстро, но жители Югры были настолько сплоченными, что их территорией Новгороду никогда не удалось полностью завладеть [18, р. 28]. Четкие временные рамки новгородской экспансии автор не ставит, однако замечает, что перед распадом Киевской Руси новгородцы регулярно переходили через Урал и пользовались уже проверенными речными путями, что указывает на сложившуюся традицию этих походов [18, р. 28]. В экспедициях на север были, по мнению Вечинского, заинтересованы три группы населения: бояре и купцы, желающие получить прибыль от продажи пушнины, и крестьяне, которым фронт давал возможность независимой жизни [18, р. 29]. В отличие от предыдущей статьи 1974 г., в монографии автор не упоминает представителей церкви и их миссионерскую деятельность на русском севере, главная роль здесь уделяется торговле и стремлению получить землю и свободу от налогообложения. Точку над северо-восточным фронтом поставила политика Московского княжества в конце XV в., привязавшая сельское население к земле: ограниченные движения способствовало прекращению его существования [20, р. 294].

С конца 70-х гг. ведется ученая деятельность Дж. Мартин, которая на протяжении нескольких десятилетий изучала область русского севера и издала множество трудов, посвященных как общим чертам пушной торговли [11], так и конкретным аспектам новгородской и московской политики в области северо-восточного фронта [9, 10]. С точки зрения примененной методики, труд Дж. Мартин представляет совокупность всех существующих подходов и отражает постепенное развитие теории границы по отношению к России. Ученый обращает внимание на природные условия и компоненты ландшафта, о важности которых предупреждал уже Р. Кернер. Ссылаясь на концепцию Дж. Ланцева и Р. Пирса, Мартин не интерпретирует сражение за полярный фронт как традиционный конфликт двух сторон (Москвы и Новгорода), а, наоборот, акцентирует внимание на количестве стран, сражающихся за природные богатства [11, р. 87]. Особое место в ее трудах занимает Великий Устюг, который преследовал собственные цели и стал местом частых сражений между Москвой, Новгородом и северо-восточной Русью [11, р. 87–88; 10, р. 406]. Исследование Мартин также развивает интерес к истории пушной торговли, исходящий из сочинений Р. Г. Фишера и Дж. Ланцева. Период создания северо-восточного фронта, согласно Мартин, начинается в XI в., из-за отсутствующих источников по самому раннему периоду нельзя с точностью определить, когда именно новгородцы начали продвигаться в северном и восточном направлениях. Первая дата, приносящая более конкретные свидетельства о колонизации Новгорода, по мнению Мартин, связана с рассказом Гюряты Роговича в Повести временных лет, помещенным в текст летописи под 1096 г. [11, р. 53]. В отличие от Дж. Ланцева, Мартин не воспринимает сведения о походе 1032 г. как достоверные и ссылается только на текст Начальной летописи. Таким образом, к концу XI в. новгородцы обладали Печорой и Двинской землей, где регулярно собирали дань, и также имели контакты с более отдаленными этносами Югры и дальнего Зауралья [11, р. 53]. Северо-восточный фронт в трудах Дж. Мартин обладает такими же географическими чертами, как и в произведениях Дж. Вечинского с той разницей, что Мартин не акцентирует неоднородный характер конкретных областей под властью Новгорода. Вплоть до половины XIV в. новгородские сборщики дани представляли единственный русский и также европейский элемент, с которым сталкивались финно-угорские народы северо-востока России [11, р. 53]. Расстановка изменилась, по мнению Мартин, в 1333 г., когда, по сведениям поздней Вычегодско-

Вымской летописи, Иван I Калита начал собирать дань с жителей Перми, и Московское княжество, таким образом, вступило в конфликт с Новгородом [10, р. 460]. Основная функция северо-восточного фронта заключалась в его безграничных источниках пушнины [11, р. 52], которую новгородцы вывозили на европейские рынки, важность данного сырья стала еще более выразительной в XIII в., когда был заключен договор между Новгородом и немецкими купцами, как подчеркнул уже в 40-е гг. XX в. Р. Г. Фишер. Исходя из замечаний В. Чеботаревой-Билл и Дж. Вечинского, Мартин уделяет большое внимание особенности московского подхода к жителям северо-восточного фронта – систематической миссионерской деятельности православных монахов, которая происходила при полной поддержке Московского государства и в итоге привела к окончательной победе Москвы [10, р. 462]. Ее методология, в отличие от вышеупомянутых историков, заключается в отсутствии тернеровского концепта о свободной территории, которая приветствовала всех первопроходцев и предлагала им жизнь вне политических структур.

Подводя итоги использования теории границы на примере северо-восточного русского фронта в американской историографии, приходим к заключению, что среди историков сложился довольно конкретный образ о его характеристиках и основных функциях. Вопреки многочисленным вызовам Ф. Дж. Тернера в первые десятилетия XX в., исследовать Россию с точки зрения фронтов, начало изучения этих процессов относится только к середине XX в., когда были изданы научные труды Р. Кернера и Р. Г. Фишера. Первый исследованный нами аспект представляет собой географическое расположение фронта: в данном вопросе между историками не наблюдаются выразительные разногласия: экспансия началась в Заволочье, продолжалась через Печору, Пермь к Уралу и Югре. Северо-восточный фронт охватывал масштабную территорию от бассейна Северной Двины до Урала, тянувшуюся по побережью Белого моря. Р. Г. Фишер и Дж. Вечински акцентируют его неоднородность, особое положение занимает, прежде всего, Югра и области по обеим сторонам Урала. В силу огромного расстояния от центра и сопротивления местных племен, данные территории сохраняли определенную независимость, и формальная власть Новгорода подтверждалась только сбором дани, который в XI–XII вв. имел лишь нерегулярный характер и часто заканчивался разгромом новгородской дружины.

Еще более заметное единство ученых связано с княжеством, начавшим колонизацию в северо-восточном направлении: без исключений все исследованные нами труды называют основателем фронта Великий Новгород. Единственная заметная разница связана с участием других государств в формировании фронта. В трактовке Р. Кернера, Р. Фишера и В. Чеботаревой-Билл против Новгорода выступает только Московское княжество, Дж. Ланцев и Р. Пирс первыми обратили внимание на роль князей северо-восточной Руси, которые уже в XII в. успешно противостояли Новгороду. Вклад владимиро-суздальских князей отметила также Дж. Мартин, которая добавила среди конкурентов еще и Великий Устюг. Вопрос временных рамок создания и целого существования изучаемого фронта вызвал среди американских медиевистов более осязаемое разногласие: самое раннее начало находим в трудах Дж. Ланцева и Р. Пирса, ссылающихся на текст Никоновской летописи аж XVI в. о неудачном походе воеводы Улеба 1032 г. Большинство ученых связывает начало процесса с рубежом XI–XII вв., опираясь при этом на сведения Повести временных лет о походе отрока Гуряты Рогорвича в Югру, походах ладожан на Югру и Самоядь и заключения Н. М. Карамзина о состоявшейся традиции выплаты печорской дани к 1113 г. Отдельно стоит отметить гипотезу Р. Г. Фишера, согласно которому колонизация началась не раньше XIII в., и сам процесс спровоцировали зарубежные силы в лице немецких купцов, а в более поздний период и другие представители Ганзы.

Завершающая часть нашего анализа посвящена функциям северо-восточного фронта. Данная проблема также служит основным показателем развития теории границы в историографии: сравнивая первые исследования с более поздними трудами конца XX в., замечаем, что за исключением трудов Дж. Вечинского постепенно исчезает тернеровская мысль о свободном духе первопроходцев, которые стремились получить свободу и жить независимо от государственных структур, известная напр. из сочинений Р. Фишера и В. Чеботаревой-Билл. Идеологию Тернера сменяет прагматизм и экономические факторы, прежде всего, желание завладеть источниками драгоценных мехов, в котором были заинтересованы все вышеупомянутые государства и все слои общества: бояре, купцы и простые крестьяне. Статья В. Чеботаревой-Билл открыла еще одну функцию северо-восточного фронта: религиозную, представленную двумя основными процессами: христианизацией местных финно-угорских племен и постройкой монастырей, позволяющих монахам-отшельникам жить в одиночестве и уединении.

С начала XX в. можно выделить три основных подхода к теории границы в русской среде. Первый метод вытекает из географического детерминизма и замечается, прежде всего, в трудах Р. Кернера. Для этого ученого процесс создания фронта обусловлен, в первую очередь, географическими факторами – особенно сложной системой рек и волоков, позволяющих быстрое и безопасное передвижение. Великий Новгород, отличающийся выгодной позицией на перекрестке речных путей, был, по мнению Кернера, создан для начала колонизации, ни одно другое государство древней Руси не обладало настолько удобным местоположением. В основе второго применяемого подхода находятся исследования Г. Фишера, подчеркивающие экономический характер северо-восточного фронта. Новгородцы отправлялись в эти территории не благодаря структуре речной сети, которая их вела все дальше на восток, а потому что русский север был богат пушниной, которая обеспечивала стабильную и высокую прибыль для новгородской экономики. Концепт Фишера далее разработали Дж. Ланцев, Р. Пирс и также Дж. Мартин. Третий из встречающихся векторов – «пионерский аспект» исследования фронта – ближе всего рефлектирует оригинальный труд Ф. Дж. Тернера начала XX в. Исходя из замечаний Р. Фишера, проблематику демократической структуры фронта затронули, главным образом, В. Чеборатева-Билл и Й. Вечински, согласно которому, либеральный дух фронта привел к созданию вечевой системы в Новгороде и повлиял на его особое развитие.

Подводя итоги, можно заявить, что в XX в. теория границы развивалась наряду с общим курсом исследования истории России в зарубежной историографии. Благодаря введению новых источников и прогрессу анализа русских летописей постепенно уточнялся момент начала новгородской экспансии, ведущей к созданию северо-восточного фронта и также конкретные его функции. Новые исследования, посвященные только северо-восточному фронту в XXI в., пока не наблюдаются, однако гипотеза Тернера продолжает существовать и развивается в новых направлениях: деятельность новгородцев рассматривается в современной историографии, прежде всего, с точки зрения балтийского пространства, которое выступает как новый фронт и место столкновения Запада с Востоком. Кроме перспективы сравнения всех новгородских фронтов последователям Тернера открывается возможность использовать опыт и методологические подходы близких к истории дисциплин, прежде всего, археологии, где первые попытки применить данные материальной культуры предприняла Дж. Мартин в конце XX в. Теория границы, сохраняя изначальную эластичность, таким образом, не исчерпала в XXI в. свой научный потенциал и обладает многими перспективами для дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлович Д.М., Володихин Д. М. Московское царство: процессы колонизации XV–XVII вв. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2021. 190 с.
2. Fisher R. H. The Russian Fur Trade, 1550–1700. Berkeley: University of California Press, 1943. 275 p.
3. Gerhard D. The Frontier in Comparative View // Comparative Studies in Society and History. 1959. Vol. 3. P. 205–29.
4. Kerner R. J. The Urge to the Sea. Berkeley: University of California Press, 1946. 212 p.
5. Lantzeff G. V. Russian Eastward Expansion before the Mongol Invasion // The American Slavic and East European Review. 1947. Vol. 6. P. 1–10.
6. Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth Century. Berkeley: University of California Press, 1943. 235 p.
7. Lantzeff G. V., Pierce R. A. Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier to 1750. Montreal – London: McGill-Queen's University Press, 1973. 276 p.
8. Limerick P. N. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. New York: W. W. Norton & Company Publ, 1987. 400 p.
9. Martin J. Muscovy's Northeastern Expansion: The Context and a Cause // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1983. Vol. 24, no. 4. P. 459–470.
10. Martin J. The Land of Darkness and the Golden Horde. The Fur Trade under the Mongols XIII–XIVth Centuries // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1978. Vol. 19, no. 4. P. 401–421.
11. Martin J. Treasure of the Land of Darkness. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 277 p.
12. Ordubadi D. Moskau als drittes Rom⁴ und Konstantinopel: Das Verhältnis zweier christlich-orthodoxer Zentren im 16. Jahrhundert // Core, Periphery, Frontier: Spatial Patterns of Power / Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 2021. S. 123–138.
13. Treadgold D. W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of the American Frontier // Agricultural History. 1952, Vol. 26, no. 4. P. 147–152.
14. Tschebotarioff-Bill V. The Circular Frontier of Muscovy // The Russian Review. 1950. Vol. 9, no. 1. P. 45–52.
15. Turner F. J. The Frontier in American History. New York: Henry Holt and Company Publ., 1920. 375 p.

16. *Turner F. J.* The Significance of Sections in American History. New York: Henry Holt and Company Publ., 1932. 347 p.
17. *Urban W.* The Frontier Thesis and the Baltic Crusade // *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150–1500*. London: Routledge, 2017. P. 45–71.
18. *Wieczynski J. L.* Russian Frontier. The Impact of Borderlands upon the Course of Early Russian History. Charlottesville: University Press of Virginia, 1976. 108 p.
19. *Wieczynski J. L.* The Frontier in Early Russian History // *The Russian Review*. 1972. Vol. 31, no. 2. P. 110–116.
20. *Wieczynski J. L.* Toward a Frontier Theory of Early Russian History // *The Russian Review*. 1974. Vol. 33, no. 3. P. 284–295.

Поступила в редакцию 02.10.2023

Выслужилова Дагмар Любомировна, аспирант, научный сотрудник Института истории
 Университет им. Масарика
 60200, Чехия, г. Брно, ул. Арна Новака 1/1, корп. А
 E-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

D. Vysloužilová

THE NORTH-EASTERN FRONTIER OF RUSSIA: REFLECTIONS OF THE FRONTIER THESIS IN FOREIGN MEDIEVAL STUDIES OF THE 20th CENTURY

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-642-650

The universality of the frontier thesis, intended to explain the emergence of a primordial American mentality, was first asserted by its creator F.J. Turner in the early 20th century. Despite his numerous appeals for the use of the frontier thesis in the context of different countries, this theory has long been a purely American phenomenon. This article examines how twentieth-century American medievalists fulfilled Turner's proposal to apply his methodology to the history of Russia. The reflection of the frontier thesis is shown in the example of the north-eastern frontier in the Russian north, which is supposed to be the oldest Russian frontier. We will see how American historians interpreted the concept of the north-eastern frontier in the twentieth century on the basis of the four main features of the frontier (geographical location, chronological framework, main functions, and relations with particular states). We also present the primary classification of approaches to the question of the Russian medieval frontier, following the strategies used by researchers in the case of the north-eastern frontier.

Keywords: frontier thesis, F. J. Turner, frontiers, frontiers of Russia, Middle Ages, Novgorod the Great.

REFERENCES

1. *Mihajlovich D.M., Volodihin D. M.* Moskovskoe carstvo: processy kolonizacii XV—XVII vv. [The Tsardom of Muscovy: The Processes of Colonization of the XV–XVII centuries]. Moscow, “Centropoligraf” Publ., 2021, 190 p. (In Russian).
2. *Fisher R. H.* The Russian Fur Trade, 1550–1700. Berkeley, University of California Press, 1943, 275 p.
3. *Gerhard D.* The Frontier in Comparative View. *Comparative Studies in Society and History*, 1959, vol. 3, pp. 205–29.
4. *Kerner R. J.* The Urge to the Sea. Berkeley, University of California Press, 1946, 212 p.
5. *Lantzeff G. V.* Russian Eastward Expansion before the Mongol Invasion. *The American Slavic and East European Review*, 1947, vol. 6., pp. 1–10.
6. *Lantzeff G. V.* Siberia in the Seventeenth Century. Berkeley, University of California Press, 1943, 235 p.
7. *Lantzeff G. V., Pierce R. A.* Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier to 1750. Montreal – London: McGill-Queen’s University Press, 1973. 276 p.
8. *Limerick P. N.* The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. New York: W. W. Norton & Company Publ, 1987, 400 p.
9. *Martin J.* Muscovy's Northeastern Expansion: The Context and a Cause. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1983, vol. 24, no. 4, pp. 459–470.
10. *Martin J.* The Land of Darkness and the Golden Horde. The Fur Trade under the Mongols XIII–XIVth Centuries. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1978, vol. 19, no. 4, pp. 401–421.
11. *Martin J.* Treasure of the Land of Darkness. Cambridge, Cambridge University Press, 1986, 277 p.
12. *Ordubadi D.* Moskau als drittes Rom‘ und Konstantinopel: Das Verhältnis zweier christlich-orthodoxer Zentren im 16. Jahrhundert [Moscow as the Third Rome and Constantinople: The Relationship between two Christian-Orthodox

- Centers in the 16th century]. Core, Periphery, Frontier: Spatial Patterns of Power. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 2021, pp. 123–138. (In German).
13. *Treadgold D. W.* Russian Expansion in the Light of Turner's Study of the American Frontier. *Agricultural History*, 1952, vol. 26, no. 4, pp. 147–152.
 14. *Tschebotarioff-Bill V.* The Circular Frontier of Muscovy. *The Russian Review*, 1950, vol. 9, no. 1, pp. 45–52.
 15. *Turner F. J.* The Frontier in American History. New York, Henry Holt and Company Publ., 1920, 375 p.
 16. *Turner F. J.* The Significance of Sections in American History. New York, Henry Holt and Company Publ., 1932, 347 p.
 17. *Urban W.* The Frontier Thesis and the Baltic Crusade. *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150–1500*. London, Routledge, 2017, pp. 45–71.
 18. *Wieczynski J. L.* Russian Frontier. The Impact of Borderlands upon the Course of Early Russian History. Charlottesville, University Press of Virginia, 1976, 108 p.
 19. *Wieczynski J. L.* The Frontier in Early Russian History. *The Russian Review*, 1972, vol. 31, no. 2, pp. 110–116.
 20. *Wieczynski J. L.* Toward a Frontier Theory of Early Russian History. *The Russian Review*, 1974, vol. 33, no. 3, pp. 284–295.

Received 02.10.2023

Dagmar Vysloužilová, PhD. student
Research specialist of the Department of History, Masaryk University
Arna Nováka Street, 1/1, Brno, Czech Republic, 60200
E-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz